

Фу Тяньхэ поспешно прошёл мимо кафедры. Равняясь с Чэнь Цы, он виновато улыбнулся сквозь забитые едой щёки.

Чэнь Цы проследил за ним взглядом и заметил странность: золотистый правый глаз юноши сдвинулся с задержкой, словно с опозданием следуя за левым.

Фу Тяньхэ привычно уселся на своё место — в четвёртом ряду у прохода. Натренированным движением повернул табурет боком и весь съёжился, опустившись так, что край столешницы оказался аккурат на уровне его груди. Так он не заслонял обзор сидящим сзади, но вот длинные ноги приходилось судорожно поджимать под парту.

По идее, столь высокого парня, пусть даже круглого отличника, ни за что не посадили бы в центр класса. Чэнь Цы так и не понял, в чём тут секрет.

Его собственную самопрезентацию прервало появление Фу Тяньхэ, но, впрочем, он и так сказал всё, что хотел. По указанию учителя Тянь Чэнь Цы занял место в третьем ряду у прохода — прямо перед Фу Тяньхэ.

Прислонив планшет для рисования к краю парты, Чэнь Цы, как и остальные ученики, выстроил на столе баррикаду из полученных учебников.

Парта была узкой, а книг выдали много. Когда всё улеглось, свободного места для письма осталось с гулькин нос.

Учитель Тянь ведала специализированным классом для одарённых учеников. Многолетний опыт подсказывал ей, что работа это не из лёгких: у каждого подопечного своя специфика, а уж когда начнётся интенсивная подготовка к поступлению, придётся на ходу перекраивать всё расписание.

Поэтому на первом же утреннем уроке она разразилась длинной напутственной речью. Особо налегала на то, чтобы ребята не забивали на общеобразовательные предметы: какими бы блестящими ни были успехи в творчестве или спорте, без проходного балла по теории аттестата не видать.

Чэнь Цы пропускал её наставления мимо ушей, с интересом перелистывая скетчбук брата. Тот был забит тридцатисекундными набросками: стремительные, живые линии передавали экспрессию и движение. Лица оставались размытыми, но по одежде, силуэту и осанке без труда угадывались пол и возраст персонажей.

Дойдя до середины, Чэнь Цы наткнулся на наброски весьма пикантного характера — явно с пометкой «18+».

Он с абсолютно невозмутимым лицом захлопнул скетчбук.

И достал из кармана брюк свой карточный блокнот с иностранными словами.

Учитель Тянь распинаясь на кафедре, но слушать её мало кто собирался.

Кто-то от нечего делать калякал на полях или в черновиках, кто-то вымучивал очередной зачин для своего необъятного романа, кто-то залипал в одну точку, а кто-то, оживлённо шушукаясь, наклонялся к соседу по парте.

Глядя на это, учитель Тянь пала духом. Она сошла с трибуны, намереваясь встряхнуть класс.

Проходя мимо Чэнь Цы, она увидела, что юноша, уткнувшись в блокнот, молча бубнит про себя слова.

В этой беспросветной пустыне пофигизма Чэнь Цы показался ей глотком ледяной родниковой воды. Педагог мгновенно воспрянула духом.

Она сцапала его карточки и возопила на всю аудиторию:

— Посмотрите на Чэнь Няня! Человек уже учит слова! Берите пример, а не страдайте ерундой целыми днями!

И только договорив, учитель Тянь сообразила, что в карточках — английская лексика.

А класс у них вообще-то с уклоном в русский язык.

На экзаменах в качестве иностранного можно выбрать английский, японский или русский. Большинство тех, у кого с английским совсем беда, бегут учить японский, так что русский выбирают единицы. Спряжения, склонения, виды глаголов — от этой грамматической мути голова идёт кругом, можно свихнуться за считанные месяцы. Но зато и задания на экзамене на порядок проще! Для учащихся спецклассов, у которых гуманитарные предметы обычно хромают, это идеальная лазейка за хорошим баллом.

Учитель Тянь зависла на пару секунд, но быстро выкрутилась:

— Вот! Даже выбрав русский язык, Чэнь Нянь не забрасывает английский! Вы ещё молоды, учитесь, пока даётся, лишних знаний не бывает! А вы всё думаете, будто учителям только бы вас загнобить...

Чэнь Цы снова оказался под прицелом десятков глаз. Он сидел ровно, опустив взор, с олимпийским спокойствием дожидаясь, пока ему вернут блокнот.

Сидевшая рядом девушка чуть повернула голову. Едва учитель Тянь отошла подальше, а карточки вернулись к владельцу, она шепнула:

— Я Гуй Чжици. Тоже художница.

Чэнь Цы кивнул. Помня, что сейчас играет роль общительного брата, он постарался выдать максимум дружелюбия:

— Привет.

Он бросил взгляд на её альбом: там карандашом был набросан эскиз креативной композиции.

Неведомая тварь пробиралась по затопленному внутреннему дворику. Карандашная штриховка мастерски передавала сырую, мрачную атмосферу: пелена дождя размывала силуэт монстра, но его длинные, игольчатые лапы уже рассекали водяную завесу, рвясь вперёд.

Мрачно, давяще, но невероятно технично. Простыми карандашами создавался эффект настоящего кошмара.

— Очень красиво, — тихо сказал Чэнь Цы.

— Да и ты здорово рисуешь, — так же тихо отозвалась Гуй Чжици. — Я успела подглядеть, пока ты листал скетчбук. База просто железобетонная.

Чэнь Цы в живописи разбирался куражу ради — до уровня брата ему было как до Луны, но благодаря Чэнь Няню кое-что соображал.

Только они увлеклись беседой, как под табуретом Чэнь Цы раздался глухой удар.

Он обернулся и столкнулся взглядом с двумя глазами — карими и золотыми. В них читалось искреннее раскаяние.

— Ой, прости! Ногам вообще места нет, хотел удобнее устроиться и случайно пнул.

В этот момент прозвенел звонок на перемену.

Чэнь Цы оглядел соседа сзади. Фу Тяньхэ сидел так низко, что его длиннющие конечности действительно выглядели инородным телом под узким столом.

— Ничего страшного.

Чэнь Цы уже собрался повернуться обратно, но парня, похоже, понесло на откровенности:

— У меня с глазами беда, вот учительница и посадила поближе, чтобы хоть что-то видел.

Он поднял правую руку и постучал указательным пальцем по золотистой радужке. Раздался характерный пластмассовый щелчок.

Чэнь Цы мгновенно понял: протез.

Он помешкал. Выразить сочувствие? Жалость? Или перевести всё в непринуждённую болтовню?

Чэнь Цы не выбрал ни то, ни другое.

Вглядевшись в сияющий золотой диск, он спокойно произнёс:

— А красиво.

Фу Тяньхэ обомлел.

Под этим пристальным, немигающим янтарным взглядом он даже разглядел собственное отражение. Поняв это, парень смутился до невозможности, выдавил из себя нелепое «хе-хе» и снова непроизвольно ткнул пальцем в глазной протез.

— Да? Правда?

Чэнь Цы серьёзно кивнул.

Наступила пауза.

Тишина давила на Фу Тяньхэ так, будто по нему ползала тысяча муравьёв. Дышать приходилось через раз, чтобы не сбить настрой.

Чэнь Цы всё так же молча гипнотизировал его взглядом. Фу Тяньхэ окончательно потерял обладание и, не успев сообразить, что делает, с грохотом вскочил с места.

Чэнь Цы пришлось задрать голову, чтобы продолжить контакт.

Гуй Чжици переводила взгляд с одного на другого, чувствуя, как шейные позвонки получают отличную разминку.

Прежде чем атмосфера раскалилась до предела, Фу Тяньхэ ляпнул:

— Я это... попить... тьфу, в туалет сбегаю!

Перешагнув через поваленный табурет, он метеором пронёсся мимо Чэнь Цы и вылетел в коридор.

Глядя вслед уносящимся пяткам, Чэнь Цы резюмировал:

— Станный какой-то.

Гуй Чжици, заметившая, как Фу Тяньхэ крадучись заглядывает в окно, с чувством произнесла:

—... Есть немного.

А тем временем на другом конце коридора Чэнь Нянь и Шафулай наладили бурный диалог.

— Слушай, а давай в QQ зафрендимся? — предложил Чэнь Нянь.

— Давай. — Шафулай уже потянулся за ручкой, чтобы записать номер, как вдруг увидел, что новенький лезет в рюкзак.

И достаёт оттуда планшет.

Шафулай: [...]

Он мгновенно огляделся — не засек ли кто из учителей или одноклассников — и придвинулся к Чэнь Няню, закрывая его своей широкой спиной.

Плечи соприкоснулись. Чэнь Нянь был ниже ростом, поэтому от лёгкого толчка слегка качнулся.

Он поднял глаза на Шафулая. Чёткий, безупречный профиль иностранца смотрелся настолько эффектно, что у Чэнь Няня зачесались руки: хотелось схватить стилус, открыть Procreate и забабахать скетч.

Что он, собственно, и сделал.

Procreate был его рабочим инструментом номер один, так что палец на автомате кликнул по иконке в нижней панели, и на экране развернулся свежий холст.

Длинноволосая красотка прижималась к груди сурового босса в облегающем костюме. Обтягивающая юбка подчёркивала соблазнительные изгибы, а брутальный бизнесмен прикрывал её от ночного дождя полами своего пиджака.

Пока только лайн, даже базовые цвета не залиты, но у Шафулая аж дыхание перехватило.

Вроде никто не раздет, а смотрится — сплошной чистый секс.

Наверное, всё дело в позе и мелких анатомических нюансах?

Не успел Шафулай оценить всю глубину замысла, как Чэнь Нянь ловким движением смахнул Procreate и переключился на QQ.

— Это ты нарисовал? — спросил Шафулай.

— Не-а, просто картинку сохранил, — соврал Чэнь Нянь.

— А-а. — Шафулай отродясь не видел Procreate, так что легко проглотил наживку.

Чэнь Нянь вбил его номер в поиск. Выскочил профиль с аватаркой лисёнка Ари и местоположением «Албания».

— Он?

Чэнь Нянь тыкнул «Добавить в друзья» и в примечании напечатал: «Твой новый сосед по парте».

— Готово. — Чэнь Нянь убрал планшет обратно в портфель. — Дома придёшь — не забудь подтвердить.

— Обязательно.

И тут прозвенел звонок. Утреннее чтение пролетело за трёпом как одна секунда.

К парте Чэнь Няня тут же сбежалась куча народу. Сидевшая впереди девчонка обернулась, сгорая от любопытства:

— А ты как вообще учишься? Сколько обычно набираешь?

Чэнь Нянь вспомнил среднестатистические результаты брата и озвучил осторожную цифру:

— Да где-то около шестисот восьмидесяти.

На самом деле, без всяких «около» — ровно столько Чэнь Цы и выдавал.

— Всё, я труп, моя позиция в рейтинге класса опять полетит в бездну, — схватился за сердце кто-то из парней.

— Да ладно вам, — заулыбался Чэнь Нянь. — Вдруг тут задания сложнее?

— Ага, рассказывай! Вы, гении, вечно притворяетесь скромниками! Как Шафулай — вечно ныл, что у него с китайским беда, а потом бац — и сто двадцать баллов из ста пятидесяти!

— Да у меня правда с китайским не ахти, — засмеялся Шафулай. — В сравнении с остальными предметами.

«Иностранец пуляет родной китайский на сто двадцать баллов?!» Чэнь Нянь уставился на соседа, округлив янтарные глаза. Он сам, носитель языка, выше этой цифры отродясь не прыгал! Вот уж поистине: люди делятся на простых смертных и монстров!

— Так он же у нас гордость класса, первое место удерживает, — пояснил староста за спиной Чэнь Няня. — Мало того что учится на отлично, так ещё и в олимпиадах участвует.

— Серьёзно? — Чэнь Нянь изумился ещё больше.

Насколько он знал, под олимпиадников обычно выделяли отдельные спецклассы, где их сутками накачивали профильными знаниями. Победителей национального уровня зачисляли в вузы без экзаменов — отличный альтернативный путь. Но и риск колоссальный: если завалишь олимпиаду, пропустишь всю школьную программу и останешься у разбитого корыта.

— Да я так, балуюсь просто, — отмахнулся Шафулай. — Иначе бы не сидел тут на обычных уроках.

— Не свисти! Просто наши преподы тебя уже не тянут! — подколот его староста.

Чэнь Нянь переосмыслил образ соседа.

Круглый отличник, олимпиадник, говорит с забавным северо-восточным акцентом, душевный

парень, да ещё и красавчик невероятный.

Такой и с его братцем вполне мог бы потягаться!

Десятиминутка пролетела мгновенно. Со звонком все разбежались по местам.

Чэнь Нянь всё ещё переваривал информацию о Шафулае. Подумав немного, он тихо позвал:

— Эй, сосед.

— А?

— Ну ты и крутой.

—...

Шафулая хвалили с самого детства, но когда эти слова прозвучали из уст Чэнь Няня, его уши невольно вспыхнули.

Он уже собрался скромно отшутиться, но в класс вошёл учитель математики.

В элитном классе раскачиваться не любили. На первом же уроке первого дня преподаватель без лишних прелюдий перешёл к новой теме.

За лето большинство учеников успели пробежаться по программе. Но только не Чэнь Нянь.

Он все каникулы напролёт пахал как проклятый: рисовал для сборов, делал заказы, собирал портфолио.

Темп урока был сумасшедшим. На двадцатой минуте Чэнь Нянь понял: всё, спёкся.

В голове образовалась каша. Отдельные слова учителя были понятны, но собранные вместе предложения превращались в какую-то абракадабру.

В глаза будто песку насыпали.

Ручка выскользнула из пальцев и укатилась на проход. Чэнь Нянь нагнулся, поднял её, а когда распрямился и посмотрел на доску — обомлел. Прежние записи уже стёрли, а вместо них вся доска запестрела дикими формулами.

Чэнь Нянь: [...]

Это ещё что за китайская грамота?!

Честно попытавшись вникнуть в течение пяти секунд, он махнул рукой.

М-да, уровень элитного класса он явно не тянет...

Чэнь Нянь молча достал автоматический карандаш и на чистой странице черновика вывел первую плавную линию.

Шафулай тоже не слушал. Школьный материал он давно прошёл самостоятельно, так что тратить время на повторение не видел смысла — лучше порешать задачки повышенной сложности.

Дойдя до дополнительного номера в конце раздела, Шафулай застрял.

Сверился с ответами, но приведённое там решение показалось ему бредовым и явно ошибочным.

Он обвёл номер красной ручкой, намереваясь спросить у преподавателя после урока. И тут боковым зрением заметил, что Чэнь Нянь ушёл в себя с головой. Сосед с усердием уткнулся в тетрадь, абсолютно игнорируя соловьиные трели учителя.

«Чэнь Цы, наверное, тоже решает продвинутые карточки, — подумал Шафулай. — Наверняка ему эта тема на один зубок».

Он решил посоветоваться с ним. Обсудить задачу вместе всегда полезнее, чем сразу бежать за подсказкой.

Шафулай слегка подтолкнул Чэнь Няня локтем.

Чэнь Нянь замер и повернул голову.

И тут Шафулай разглядел, чем забит черновик соседа.

Это были далеко не уравнения.

На листе красовалась абсолютно обнажённая женская фигура.

Шафулай: [???

Шафулай: [!!!]

Шафулай: [...]

В его фиолетовых глазах застыл священный ужас. И не столько оттого, что Чэнь Нянь наглейшим образом рисует пошлятину на уроке математики, сколько от потрясающего мастерства исполнения!

Набросок охватывал торс от шеи до колен: одна рука прижата к груди, другая устремлена вперёд.

Каждая линия дышала грацией и мягкостью. Шафулай мог поклясться, что, даже не видя лица, угадывает выражение её глаз!

Заметив, как иностранец выпал в осадок, Чэнь Нянь хитро прищурился, точно хитрый лис:

— Нравится? — он наклонился ближе и шепнул так, чтобы слышал только Шафулай: — Хочешь, и тебя нарисую? Всё равно делать нечего. Тебе, как красавчику, абсолютно бесплатно.

Он оказался слишком близко. Шафулай даже не успел затаить дыхание.

До носа донёсся странный аромат: лёгкий запах масляных красок, чуть горьковатый, с едва уловимым морским оттенком.

Словно ветерок с моря.

В Москве, хоть она и находится в глубине материка, благодаря Москве-реке есть свой дух портового города. Шафулай вспомнил, как в детстве смотрел «Чайку» в театре, а потом стоял на смотровой площадке за Красной площадью, глядя на проплывающие теплоходы. Пролетавшие мимо чайки приносили на крыльях именно этот запах — соли, воды и рыбы.

Точно такой же исходил от Чэнь Няня.

Шафулай не успел сообразить, шампунь это или гель для душа, потому что Чэнь Нянь уже орудовал карандашом.

Оказалось, чтобы набросать мужской силуэт, парню требовалось ровно тридцать секунд.

Не успел Шафулай опомниться, как Чэнь Нянь начал прорисовывать детали.

Кубики пресса, рельефная грудь, пикантные точки... Так, ладно, учитывая, какой его сосед стеснительный, нарисую-ка ему полотенце на бёдрах.

Но складки ткани, капли воды, стекающие по коже, и соблазнительные линии Аполлона, уходящие под полотенце, выглядели до неприличия откровенно.

Уши Шафулая вспыхнули ярким пуншем, а румянец стремительно захватил щёки. Чэнь Нянь же сохранял абсолютное хладнокровие — для него это была обычная академическая натурная студия, которую он отрабатывал тысячи раз.

Искусство вообще веками воспевало обнажённое тело. В скульптуре и живописи пикантные места прикрывали лишь формально. Тело — это эстетика, чего тут смущаться?

Но когда Чэнь Нянь занёс карандаш над нижней частью живота, Шафулай перехватил его запястье.

— ... Хватит. — Шафулай изо всех сил пытался сохранить лицо и остатки манер. — Спасибо, конечно, но правда не стоит.

Чэнь Нянь похлопал ресницами:

— Плохо получилось?

— Да нет, — с трудом выговорил Шафулай. — Просто это... слишком.

— Что «слишком»? — с подвохом переспросил Чэнь Нянь.

Шафулай предпочёл промолчать.

Чэнь Нянь понял: братов сосед — настоящая находка! Поддевать его было одно удовольствие.

Смилостивившись, он предложил:

— Ладно-ладно, сейчас одежду пририсую.

Чэнь Нянь сделал пару взмахов карандашом — и на бумажном Шафулае появилась рубашка.

Белая. Насквозь промокшая. И липнущая к телу.

Шафулай: [...]

Не давая бедолаге вставить слово, Чэнь Нянь вырвал лист из черновика и ловко засунул его в сборник задач по математике.

— Не за что! — Юноша явил миру ослепительную улыбку с аккуратными тигриными клыками.

Шафулай открывал и закрывал рот, точно вытащенная на сушу рыба, пока наконец не выдавил сквозь зубы:

—... Спасибо.

— Ой, да брось, мы же свои люди!

Шафулай всегда входил в тройку лучших учеников школы, а у Чэнь Цы баллы были под стать. Поэтому математик закрыл глаза на их перешёптывания — лишь бы не мешали остальным.

Шафулай опять уставился в сборник задач.

Что он там хотел сделать? Ах да, спросить решение...

Взгляд сам собой соскользнул на рисунок мокрой рубашки. Шафулай судорожно захлопнул тетрадь.

Надо послушать учителя. Срочно.

Уроки в специализированном классе для Чэнь Цы оказались детским лепетом.

Он даже не слушал преподавателей, молча щёлкая задачи одну за другой. Учителя, проходившие мимо, порывались сделать ему замечание, но, видя идеально решённые варианты, предпочитали не связываться. Главное — результат, а каким путём он получен, дело десятое.

Гуй Чжици пару раз обращалась к нему за помощью, и Чэнь Цы хватало беглого взгляда, чтобы выдать готовый ответ и разложить всё по полочкам.

К концу занятий Гуй Чжици смотрела на него как на сошедшее с небес божество науки.

— Чэнь Нянь, ты на выходных ходишь на курсы? Я знаю одну классную изостудию, может, рванём вместе? — предложила она, собирая вещи.

— Давай.

Чэнь Цы знал, что брат с самого переезда мониторил местные художественные школы и искал хорошую студию. Но уровень преподавания по отзывам не оценить — надо пробовать лично. Гуй Чжици рисовала великолепно, так что её рекомендациям точно можно доверять.

Мобильника у Чэнь Цы с собой не было, так что связаться с Чэнь Нянем он не мог. Народу в школьной столовой набивалось тьма-тьмушая, да и карточки у него не имелось, поэтому он решил пообедать где-нибудь неподалёку, а заодно изучить окрестности.

Захватив художественные принадлежности брата — мало ли, вдруг Чэнь Няню в обед приспееет порисовать, — Чэнь Цы попрощался с Гуй Чжици и вышел за ворота школы.

Вокруг хватало кафешек, кондитерских, книжных и мелких лавочек. Прогулявшись, Чэнь Цы заметил автобусную остановку в переулке неподалёку — оттуда можно было легко доехать до дома.

Он повернул в переулок.

Пройдя метров тридцать, Чэнь Цы уловил за спиной торопливые шаги.

И обернулся.

Шестеро или семеро парней мгновенно взяли его в кольцо. Разноцветная пакля на головах — от выцветшего жёлтого до грязно-красного, чёлки до носа, распахнутые куртки и напыщенно-дерзкие физиономии. Парни явно считали себя королями жизни.

Один из них смолит дешёвую сигарету. Вонючий дым долетел до Чэнь Цы, заставив его поморщиться.

Чэнь Цы отступил на шаг, чтобы школьная форма не пропахла табачищем.

Но гопники приняли этот жест за проявление страха.

— Опа, знакомое личико. Первокурсник? — Главарь банды развязной походкой приблизился к Чэнь Цы. Заметив угловатые контуры за спиной, он оскалился: — Ого, да ты у нас из этих, из творческих?

— У вас же, у художников, бабла куры не клюют, да? — подхватил второй с сальной ухмылкой, протягивая руку к Чэнь Цы. — Поделись с пацанами медовыми коржами, а? Мы тут у школы не первый год крутимся. Будешь делиться — никто тебя пальцем не тронет.

Чэнь Цы стоял не шелохнувшись, храня молчание.

Его янтарные глаза оставались абсолютно холодными и безразличными.

— Ты чё, оглох, сука?

Из-за спины выскочил старшеклассник. Не выдержав игры в молчанку, он с бранью схватил Чэнь Цы за плечо, намереваясь сорвать рюкзак.

И в то же мгновение Чэнь Цы железной хваткой впился в его запястье.

— Есть кое-что, о чём вы, похоже, не в курсе, — прозвучал в узком переулке ледяной, неприязненный голос.

Чэнь Цы рванул хулигана на себя, одновременно наступая ему на подъём стопы, и с силой всадил локоть аккуратно ему в солнечное сплетение.

— Мой отец — отставной спецназовец.

<http://bllate.org/book/20665/2105897>